

УДК 343.9

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТИЧЕСКОГО НАРУШЕНИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ДОКТРИНЫ «НАКОПЛЕННОЙ» ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ

© 2019 г.

И.Я. Козаченко

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург

uglaw@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.08.2019

Предпринята нестандартная попытка определить тот основной ориентир, двигаясь по которому внешне «безобидный» этический проступок в отдельных случаях трансформируется в преступное деяние. Это происходит в определенной мере потому, что в заданных природой ориентирах то или иное зарождающееся существо вынуждено испытывать на себе неисчислимое множество воздействий, подчиняясь которым и сопротивляясь им же отвоевывает свою генетическую нишу в миллиардах миллионов себе подобных и в такой же степени противных себе вечно видоизменяющихся генетических образцов природного и социального происхождения. Гены, словно пчелы, с момента зарождения и в процессе развития того или иного существа кодируют его генетическую первооснову, чтобы можно было выполнить две, но очень важные задачи.

Во-первых, с помощью генетической кодировки создается и сохраняется основа генеалогической преемственности между «родственными» образованиями. Эту стадию в зарождении и первоначальном развитии всего сущего на планете можно условно назвать периодом сиамской схожести. Именно эта специфика генетической преемственности находит свое меткое отражение в народной поговорке: «Яблоко от яблони далеко не падает!»

Во-вторых, процессу генетической преемственности яро сопротивляется процесс несхожести, процесс идентификации. Если в процессе преемственности все живые на планете существа, наделенные сознанием и стыдом, сохраняются и развиваются как род человеческий, то процесс идентификации проявляет генетическую непохожесть каждого отдельного человека на представителей своей генетической родословной. Это о нем говорят: «Федот, да не тот!»

Взаимная сочетаемость «во-первых» и «во-вторых» позволяет в конечном счете вскрыть глубинные причинные корни, питающие процесс накопления, в частности, критической массы, превращающей обычный поведенческий акт человека в общественно опасное деяние.

Ключевые слова: этический проступок, «накопленная» общественная опасность, гены, генный блок, период сиамской схожести, административная преюдиция, генетическая преемственность, генетическая идентификация.

Введение

Человеческий поступок, как явление, развивающееся во времени, зачастую напоминает бутон цветка, который день ото дня, раскрывая наполненные весенней негой свои лепестки, обретает зримые очертания неповторимого по красоте, содержанию и внешней геометрии соцветия. Вначале о своем праве на существование заявляет тонкий и хрупкий побудительный росток какой-либо потребности. Она зарождается в самой глубокой глубине человеческого существования в форме миллиардов миллионов мало чем отличающихся друг от друга молекул, клеток, генов, генных образований. Чем ближе мы находимся к точке зарождения какого-либо биологического образования, тем меньше нам подвластны мало ощущаемые признаки различия этих образований.

Возможно, это происходит потому, что в зарождающихся существах первоначальный кле-

точный строительный образ в своем исходном конструктивном (хромосомном), сущностном состоянии одинаков либо слишком общ в своей одинаковости. Эту стадию в зарождении и первоначальном развитии всего сущего на планете можно условно назвать периодом сиамской схожести.

Именно на этой стадии инкубационный период зарождающихся существ знаменуется активной и непрерывной деятельностью многочисленных легионов генов. Их основная задача может быть сформулирована в виде тезиса: разделяя, сохрани. Для этого периода характерна схожесть и неразделенность тех или иных образований. Процесс формирования и взаимопревращений непрерывен и длится до самой смерти (гибели) носителя того или иного биологического субстрата. С момента же его зарождения он попадает во власть генов, которые, напоподобие членов пчелиной семьи, выполняя общие

функции, необходимые для всего пчелиного семейства, обслуживают строго свой индивидуальный, только им подвластный участок и спектр решения задачи.

В своей же совокупной деятельности гены запускают механизмы идентификации и преемственности. В действие включаются кодировка, шифровка, сортировка, маркировка, расфасовка и многие другие операции по установлению идентифицирующих клейм. И все это неисчислимое множество операций и преобразований происходит на фоне сохранения преемственности и схожести того или иного генного блока. На этих самых ранних стадиях своего развития вся существующая на планете биомасса является исходным строительным материалом для создания самых невероятных совпадений и непомерно бесчисленных различий: люди, животные, растения.

Учитывая формат и объем статьи, а равно тему, заданную в ней, целесообразно с учетом изложенного остановить свой творческий взгляд на человеческом поступке, который при определенных условиях может трансформироваться как в поступок позитивного, так и негативного характера.

Получив от природы свой наследственный генотип, человек в процессе своей жизнедеятельности начинает свою физику заполнять материалом духовной принадлежности. Она, в свою очередь, может способствовать (в равной либо неравной степени) развитию как моральных, так и аморальных черт характера соответствующего человека. В чем их различие? Истинно морального человека волнует вопрос: для достижения какой цели он существует? Для такого человека бесцельное существование равносильно бессмыслию жизни. Исключительно моральный человек своей судьбой приговорен к творению добра, и в этом заключается его основная задача. Однако творить добро он может только в том случае, если верит в его значение, в его обязательность, в его величие и сознает свое моральное несовершенство.

Описание исследования

Известный русский философ Владимир Соловьев видел три необходимые составные части любого морального поведения: 1) сознание собственного морального несовершенства; 2) наличие объективно данного совершенства; 3) его стремление приблизиться к совершенству, преодолеть свое несовершенство [1, с. 38]. Естественно, что аморальный человек не пуст в своем духовном развитии и наполнении. В нем так же, как и у морального человека, кипят душев-

ные страсти, пытаются ужиться противоречивые, а нередко взаимоисключающие желания. Другое дело, у аморального человека зашкаливают самые примитивные природные потребности, работающие на уровне инстинктов самосохранения и биологического выживания.

Таким образом, моральный человек, как на уровне инстинктивном, так и на уровне волевого (осознанного) поведения, ориентируется не только на моральные нормы, но и на нравственные положения. Это обстоятельство нужно учитывать, помня о том, что моральные нормы общения людей носят общечеловеческий характер. Подобное означает, что моральные каноны характеризуют отдельного человека как часть социума. Нравственность же стали отличать от морали еще со времен Гегеля и разделять на абсолютную и корпоративную, единую во все времена для всех народов, для всего человечества (абсолютная нравственность) и принципы поведения той или иной общности, основанные на нравах (нравственность корпоративная) [1, с. 39]. Абсолютная нравственность признает безусловное значение каждого человека независимо от его ценности и корпоративной принадлежности. «Убийство дикаря», по Вл. Соловьеву, такое же преступление, как и «убийство гения и святого» [1, с. 39].

Аморальный человек, игнорируя моральные предписания, вынужден ориентироваться на нравы, которые чаще всего он не выполняет, нежели соблюдает. Привычной духовной средой своего существования выбирает приоритетную маргинальную систему общения с себе подобными. Корпоративная нравственность знает такие понятия, как «свой» и «чужой», «друг» и «враг». Нравственность древнее морали, так как она возникла одновременно с человеческим обществом и принимала подчас аморальные формы. «Убийство престарелых и больных, каннибализм – нравственные нормы первобытного общества» [1, с. 39].

В этой связи необходимо увидеть и по возможности зафиксировать ту грань состояния души человека, за которой его нравственный потенциал неуклонно угасает, уступая место безнравственному буйству его страстей и желаний. Считая аксиоматичным тезис о том, что мораль – более позднего происхождения, нежели нравственность, важно заметить, что различные авторы различно трактовали слагаемые морали: источником морального несовершенства служит недостаток знаний (*Сократ*), добро от бога (*христианская традиция*); добро от правильного понимания собственных интересов (*метафизические материалисты*); мораль автономна, не зависит ни от каких внешних им-

пульсов, только внутреннее повеление ведет к моральному образу жизни (*Кант*) [1, с. 39]. Однако ни Кант, ни Вл. Соловьев не отрицали социальных основ морали.

Итак, можно констатировать: если моральное сознание находится в зачаточном состоянии либо вынуждено исчезнуть из всех сфер человеческой потребности, то, естественно, отсутствуют какие-либо силы, способные исключить либо свести на нет потребность человека в аморальном поведении. В таких случаях нужны внешние нормы и запреты, надежным поставщиком которых выступает право.

Вывод первый. Если моральное состояние человека, общества и государства находится на высоком социальном уровне, поведение людей, их жизнедеятельность и взаимодействие с обществом эффективно решается (должно решаться) в первую очередь (а может быть, и в последнюю) нормами нравственности и морали. Императив этих норм слабо мерцает (должен слабо мерцать) на уровне нулевой оценки. И еще одно очень важное положение: мораль и все иные неимперативные регуляторы межличностного общения выступают (должны выступать) мощным профилактическим фактором, создающим прочный заслон на пути движения человека, людей от морального вектора к аморальному ориентиру, от переживания чужой беды к безразличию и т.д.

При отсутствии у человека переживания, как известно, выступающего специфическим предметом этики, либо при слабом импульсе его проявления на помощь ей должны приходиться иные социально-нравственные положения, в частности стыд, который, по мнению Вл. Соловьева, отличает человека от животного [1, с. 37]. И уж если перечисленные и иные неимперативные способы регуляции отношений людей между собой не срабатывают, возникает необходимость обращения к императивным регуляторам социальной жизни людей, среди которых первыми можно назвать общественные меры воздействия. Их применение можно считать обоснованным, если речь идет о таком общественном поступке, который при отсутствии этических, моральных, нравственных и иных подобных сдерживающих человеческих добродетелей заслуживает, в том числе и поэтому, более сурового, общественного порицания.

Кстати заметить, в УК РСФСР 1960 года общественному порицанию был придан статус уголовного наказания, хотя и самого мягкого из всех видов уголовного наказания того периода. Резонен вопрос: за какие такие свойства общественного проступка обоснованно, пусть самое мягкое, но тем не менее императивное обра-

ние к виновному? По всей видимости, речь должна идти о таком проступке, который, с одной стороны, прост и понятен по своему бытовому (межличностному) восприятию даже человеку в самом раннем его возрасте. С другой же стороны, общественный проступок затрагивает самые совестливые, а потому и самые легкоранимые чувства людей различной возрастной, половой и иной социальной принадлежности. Например, нецензурная брань, распитие спиртных напитков, непристойные телодвижения, оскорбительные надписи и другие подобные действия, совершаемые при стечении определенного числа людей в общественном месте.

Нравственность, как известно, не может ограничиться жизнью отдельного человека, и прежде всего потому, что таковой вообще нет, жизнь человека протекает в обществе. Именно поэтому те или иные проступки человека встречаются не только общественное осуждение, но и решительный общественный отпор. Наибольший из них проявляется в случаях, когда морально ориентированные лица, выполняя свой общественный долг, прерывают тот или иной общественный проступок [1, с. 39–40]. Естественно, что для подавляющего числа людей осуждающая реакция на совершаемый общественный проступок является их правом. Однако побудительный импульс, направленный на активное противодействие, – это результат сложного процесса взаимодействия личности, общества и государства, в рамках которого первую скрипку должны играть личность и общество.

Общественный проступок опасен не сам по себе. Опасность его таится в том, что он, как бы усыпляя общественную бдительность, посредством высокого уровня латентности, низкого уровня вредоносности, наносит точечные острые уколы в самые незащищенные (мало защищенные) сферы (например, быт), причиняя физическую и душевную боль, как правило, неопределенному кругу лиц.

Вывод второй. Своими корнями общественный проступок уходит глубоко в неимперативную сферу человеческого бытия, питающую его вредность (общественную опасность), не выходя за рамки ее пределов. В этой связи уместно выражение, что общественный проступок настолько аморален, насколько и опасен. Любому блоку (виду) правонарушений свойствен свой, неповторимый механизм динамизма, или, говоря по-другому, процесса «накопленной» общественной опасности, лежащей в основе криминализации деяния. Именно этот механизм при определенных обстоятельствах позволяет найти ответ на вопрос, какие компоненты используются законодателем при крими-

нализации деяний. При самом поверхностном анализе заметно, что набор этих компонентов не единообразен. Об этом свидетельствует то, что именно их вариативность позволяет выделять проступки: безнравственные, аморальные, общественные, дисциплинарные, административные и уголовные.

Право, по Вл. Соловьеву, есть низший предел или определенный минимум нравственности [1, с. 39]. В тех случаях когда неимперативные регуляторы человеческого поведения не срабатывают (отсутствуют), в дело вступают регуляторы императивные, и в первую очередь дисциплинарный, административный и уголовный императивы.

Дисциплинарный императив ограничен сферой трудовых, служебных отношений, в рамках которых он применим к определенному кругу людей. Данный императив потому и называется дисциплинарным, поскольку нарушения, касающиеся сферы трудовых, служебных отношений, дестабилизируют прежде всего дисциплинарные устои соответствующего трудового коллектива, коллектива служащих. Степень опасности дисциплинарных правонарушений такова, что она, создавая определенные помехи в трудовой (профессиональной) деятельности людей, объединенных трудовыми или служебными отношениями, не затрагивает систему этих отношений и потому не подрывает функциональные основы дисциплинарного характера. Указанные свойства дисциплинарных проступков заслуживают их устранения с помощью различного рода нормативных предписаний (дисциплинарные правила, дисциплинарные положения, дисциплинарные инструкции, предписывающие определенные правила поведения, дисциплинарные уставы и т.д.).

Вместе с тем дисциплинарные проступки, несмотря на их внешнюю безобидность и обманчивую безопасность, чреваты угрозой скрытой опасности, которая при определенных условиях, достигнув критической массы, может породить неизмеримо огромный вред в виде аварий, катастроф, несчастных случаев на производстве и т.д. Указывая на предполагаемые причины, обычно в таких случаях говорят: «человеческий фактор». Можно заметить, что дисциплинарное «буквоедство» столько необходимо, сколько и полезно, так как оно предписывает и позволяет каждому работающему, каждому служащему, соблюдая «пункты» и «параграфы», устранять досадные «мелочи», которые в конечном счете приводят к тяжелейшим последствиям как на отдельном трудовом участке, так и в самых непредсказуемых масштабах

(например, авария на Чернобыльской атомной электростанции).

Есть основания заметить, что педантичное соблюдение трудовой дисциплины каждым работающим и на каждом участке создает в своей основе прочный и надежный профилактический заслон на пути от накопления чуть тлеющей и отдаленной тревоги назревающей беды к наступлению критической накопительной массы разрушений, аварий, катастроф, человеческих жертв и природных катаклизмов. Дисциплинарное правонарушение даже в своем единственном проявлении опасно тем, что оно напоминает поведение дикого зверя, которого неисправимо отчаянные люди пытаются приручить к жизни в райских условиях. Нередко за внешне ласковым мурлыканьем скрывается сжатая, как пружина, жестокая натура. Когда и по отношению к кому сорвется эта пружина, предположить трудно, но ясно одно: рано или поздно эта пружина обязательно сорвется. Очевидно, нужно каждому из нас помнить, что дисциплинарный императив, основанный на пунктах, параграфах и статьях, позволяет охранять от бед не только отдельного человека, но и все человечество.

Вслед за дисциплинарным императивом среди нормативных регуляторов шествует императив административный: он строг и жесток, и потому нередко в нем проявляется уголовно-правовая натура, но все же он существенно отличается (должен отличаться) от уголовного императива тем, что он рассчитан на регулирование отношений людей в обыденной жизни, а не для укрощения запредельной «накопленной» опасности, подвластной только уголовно-правовому императиву. Что же касается административного императива, то он имеет широкий диапазон применения, так как административные проступки достаточно распространены и многообразны. Кроме того, они совершаются в сложной сфере нередко противоречивых, а порой и взаимоисключающих межличностных и общественно-управленческих взаимоотношений. Если общественные, равно как и дисциплинарные императивы «работают» в большей степени по горизонтали, то привычный вектор движения административного заряда вертикальный: от государства к административному правонарушителю.

В этой связи между административным проступком и преступлением, в первую очередь небольшой тяжести, много общего, а порой и мало различного. Более того, устоявшейся смысловой конструкцией является утверждение, что и административному проступку, и преступлению присуща общественная опас-

ность. Вот поди и разберись, где тот признак, где то свойство, обратившись к которым можно безошибочно определить, где административный проступок, а где преступление. Вполне резонно заметить, что если и то (административный проступок), и другое (преступление) обладает общественной опасностью, то, очевидно, у них должен быть различный накопительный заряд общественной опасности. Много ли найдется мудрецов, которые могли бы указать на явную демаркационную линию, разделяющую, например, «мелкую кражу» и «простую кражу» (в редакции действующей ч. 1 ст. 158 УК РФ). Тем более что указанная демаркационная линия находится в состоянии постоянного колебания, так как испытывает на себе социально-пульсирующее воздействие процесса перехода административного проступка (вчера) в преступление (сегодня) и обратного процесса превращения преступления (сегодня) в административный проступок (завтра).

Непродуманная криминализация не только бьет по моральному статусу иных, неимперативных регуляторов (стыд, совесть, мораль и др.), но и безжалостно разрывает нравственную ткань межличностных и социальных отношений между собой, обществом и государством. Если в правонарушениях (без приведения их классификационной субординации) проявляются хотя бы слабо воспринимающиеся аналоги общественной опасности, уголовно-правовой императив должен ими как минимум заинтересоваться и поставить себе то или иное правонарушение «на учет». Нельзя исключать того, что сегодня мерцательное состояние общественной опасности какого-либо проступка завтра наберет силу и ее накопительный потенциал органично перейдет в разряд свойства истинно преступного деяния. Такой процесс выражает собой трансформацию чуть затаившейся общественной опасности соответствующего деяния в разряд накопившейся в нем энергии, что может привести или приводит к наступлению трудно восполнимых либо вообще невозможных последствий.

В таком соотношении указанных понятий сложным остается вопрос относительно того, что же лежит (должно лежать) в основе понятия «накопленной» общественной опасности. Исходя из традиционного понятия, общественная опасность является материальным признаком преступления. Именно она (общественная опасность) лежит в основе различения административных и уголовных правонарушений, а также классификации преступлений различной тяжести. Если это так, то можно сделать и другой не менее важный вывод: общественная опасность

выступает одним из главных факторов криминализации. К подобному выводу подвигает еще одно свойство общественной опасности – она (общественная опасность) выражает собой универсальную вредность деяния. Иными словами, криминализации подлежит лишь общественно опасное деяние.

Однако общественно опасен и административный проступок. И как в этом случае их различать? Если наличие общественной опасности есть признак сходства административного проступка и преступления, то различать их, очевидно, нужно по различной массе этой общественной опасности, по содержанию скрытой или очевидной ее разрушительной энергии, по предполагаемым либо обозначившимся последствиям. Именно потому в ряде случаев общественная опасность деяния очевидна, например при убийстве, изнасиловании, разбое, бандитизме и т.д. В других же случаях и чаще всего при выявлении неизвестных ранее (так называемых новых) преступлений такой очевидности нет.

В связи с распространением деяний, сопряженных с новыми достижениями в сфере генной инженерии, цифровых технологий и т.п., у обычных (да и не только) людей вполне обоснованно возникает страх перед этими и другими подобными деяниями. Ощутимый страх продуцируется осознанием людьми своей незащищенности. Однако страх, даже в своих крайних проявлениях, основанием криминализации не может быть. В противном случае это может привести к необоснованной (излишней) криминализации. Уместно в этом случае привести цитату американского биолога Джеймса Уотсона: «Больше всего я боялся, что такая махровая публичная паранойя по поводу вредоносных экспериментов в молекулярной биологии приведет к появлению драконовских законов. Если бы вдруг «что дозволено» и «что не дозволено» в рекомбинантных технологиях оказалось бы прописано в каком-либо нормативно-правовом акте, это только навредило бы науке» [2, с. 117].

Вместе с тем наука уголовного права, как и уголовное право, не должна уподобляться известной пушкинской старухе, ожидающей своей удачи у синего моря. Очевидно, нужен разумный баланс между соответствующей сферой науки, экспериментальной практики и законотворческой деятельностью государства. Тем более осторожность нужно соблюдать в тех случаях, когда речь идет о совершенно неизведанных, прорывных научных направлениях, касающихся в первую очередь безопасности и качества жизни отдельного человека и человечества в целом.

Как известно, криминализация всего нового опасна сама по себе. И хорошо, если общественная опасность нового поведенческого образования очевидна. А что делать в случае, когда общественная опасность неочевидна? Выход один – обнаружив накопительный процесс, контролировать накопление критической массы общественной опасности и своевременно обозначить соответствующий уголовно-правовой законодательный статус этому новообразованию. Представляется несколько вариантов решения данной проблемы.

Вариант первый. Накопление критической массы через **количество нарушений**. Это возможно, во-первых, при отсутствии снижения количества административных правонарушений, которое имеет тенденцию к увеличению. Подобный подход в определении статуса общественной опасности имеет место при наличии так называемой административной преюдиции. Однако вряд ли данный вариант правовой фиксации общественной опасности можно назвать удачным. Ведь как бы мы ни старались, нам никогда не удастся, например, сто полосатых котят превратить в одного свирепого тигра. Во-вторых, по этим же самым обстоятельствам мы не можем признать продуктивным накопление общественной опасности через количества других нарушений (например, дисциплинарных и других). Даже дети дошкольного возраста (если не раньше) уже понимают, что от многообразных произнесений слова «халва» у них во рту сладко не становится. Вот бы взрослым нашим законодательным «дядям» неплохо было уяснить эту детскую смекалку.

Вариант второй. Накопление критической массы **вреда**, причиненного правонарушением. При данном варианте общественная опасность деяния, переводящая его в разряд преступления, будет (должна) определяться физическим, имущественным, моральным и т.п. вредом (ущербом). В зависимости от степени тяжести вреда деяния будет определяться его уголовно-правовой статус.

Можно сделать промежуточное заключение: наличие вреда (ущерба) и его характер, естественно, может служить своеобразным ориентиром в определении степени накала критической массы общественной опасности, вариативность которой позволит с той или иной мерой обоснованности говорить о правовом статусе соответствующего правонарушения. Пожалуй, что вред (ущерб) в своих количественно-качественных

показателях наиболее приемлемый фактор в проблеме криминализации деяния, так как именно он заключает в себе ту общественную опасность данного деяния, которая и служит обоснованием перевода его из категории тревожных для общественного блага в преступное. В этой связи общественная опасность аккумулирует в себе не только размеры вреда (ущерба), но и ценность объекта уголовно-правовой охраны, на который происходит преступное посягательство.

Вариант третий. Можно заключить, что составными компонентами, которые в той или иной мере должны влиять на процесс криминализации, должны выступать: ценность блага, которое подвергается негативному воздействию, а также вид и характер вреда (ущерба), причиняемого негативным воздействием. Именно эти факторы самым непосредственным образом предопределяют обоснованность процесса криминализации деяния, так как этот процесс выступает своевременной и обоснованной реакцией государства на защиту своего гражданина от преступного посягательства. Что же касается **количественных показателей частоты и распространенности** тех или иных правонарушений, то они на процесс криминализации оказывают лишь косвенное влияние: как опасный фон, свидетельствующий о негативной динамике в сфере противодействия преступным посягательствам на личность, общество и государство.

Вывод третий. Прибегая в такой ситуации к криминализации того или иного деяния (проступка), отечественный законодатель должен помнить, что имеются и другие, кроме уголовно-правового, способы противодействия преступности как состояния, так и социального явления. И еще: проблема учета «накопленной» общественной опасности при процедуре криминализации ничего не имеет общего с недалеким политикой нагнетания страха среди населения, с помощью которого под общий, искусственно создаваемый психоз признается преступным то, что таковым не является.

Статья подготовлена в рамках гранта РФФИ 18-29-14028/18.

Список литературы

1. Соловьев В.С. Сочинения в 2-х томах. Т. 1. 2-е изд. М.: Мысль, 1990. 895 с.
2. Уотсон Д., Берри Э., Дэвис К. ДНК. История генетической революции. СПб.: Прогресс книга, 2019. 512 с.

**TRANSFORMATION OF ETHICAL TRANSGRESSION INTO CRIME THROUGH
THE PRISM OF THE DOCTRINE OF «ACCUMULATED» SOCIAL DANGER**

I.Ya. Kozachenko

The article attempts to define the very benchmark following which a seemingly “inoffensive” ethical transgression morphs into a criminal act. This happens to a certain extent due to the innumerable naturally-conditioned external impacts which this or that living being is experiencing, complying with them and resisting them, trying to establish itself amongst billions and billions of similar but at the same time opposing and constantly mutating natural and social genetic profiles. Genes act like bees to encode the very genetic mainstay of each living being during their development in order to provide them with the opportunity to fulfill two main functions.

Firstly, genetic coding helps to create and preserve the core of genealogical continuity between «related» units. Such phase in the genesis and evolution of all things could be referred to as the period of Siamese semblance.

Secondly, the process of genetic continuity is fiercely resisted by the process of genetic identification. If during the first process all conscientious living beings on our planet continue to exist and develop as the human race, then the second process is aimed to reveal the genetic identity of the particular man in comparison with other representatives of his genealogy.

Interoperability of the «firstly» and «secondly» allows us finally to reveal the deep causal origins which lead the process of accumulation of the critical mass that transforms an ordinary behavioral act into a socially-dangerous one.

Keywords: ethical transgression, «accumulated» social danger, genes, genetic block, period of Siamese semblance, administrative prejudice, genetic continuity, genetic identification.

References

1. Solov'ev V.S. Sochineniya v 2-h tomah. T. 1. 2-e izd. M.: Mysl', 1990. 895 s.
2. Uotson D., Berri E., Devis K. DNK. Istoriya geneticheskoy revolyucii. SPb.: Progress kniga, 2019. 512 s.